

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

О.А. Киселева^{1,2}

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Омский областной суд, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 августа 2021 г.

Дата принятия в печать –

10 декабря 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2022 г.

Ключевые слова

Международное право, национальное право, правовая система, регионализация, международные организации, права человека, конституция, международный договор, международный суд, правоприменение

Выделяются аспекты функционирования международного права, которые отражаются на самом процессе взаимодействия международной и национальной правовых систем. Делается предположение о том, что эффективным способом прогрессивного развития международной правовой системы, испытывающей сейчас серьезную нагрузку, и ее взаимодействия с национальными правовыми системами может стать дальнейшее развитие институтов региональной интеграции. В области международно-правовых стандартов прав и свобод человека констатируется эффективность взаимодействия правовых систем в формате создания соответствующих норм Основного закона государства. Этот вывод порождает правовое обоснование расширения компетенции органа конституционного контроля в области взаимодействия национального и международного права.

THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE INTERNATIONAL AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS

Olga A. Kiseleva^{1,2}

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

² Omsk Regional Court, Omsk, Russia

Article info

Received –

2021 August 15

Accepted –

2021 December 10

Available online –

2022 March 20

Keywords

International law, national law, legal system, regionalization, international organizations, human rights, constitution, international treaty, international court, law enforcement

The subject. The interaction of modern national legal systems and the international legal system is still the most controversial legal phenomenon. An exclusively national approach to solving issues of the general theory of international law could not and cannot justify expectations and close the need for legal comprehension.

The situation is aggravated by the fact that, at the level of universal international law, the solution of issues on the agenda with the help of positive methods of legal regulation, and, consequently, the implementation of the norms of existing international treaties today are criticized, tested and often completely violated. The implementation of the norms of existing international treaties is increasingly faced with attempts to refute their postulates using the "customs" under which those "rules" are veiled. In such conditions, national legal systems may experience an increased "feeling of jealousy" to their sovereignty and try to "close" as much as possible using the principle of non-interference in the internal affairs of the state.

Purpose of the study. In such conditions, it is most important to choose the right vector in improving international law, and not order, law based on normative principles. It is important to correctly "choose the key" to harmonizing the will of sovereign states of our time. The article is devoted to the search for a more correct way of developing international law through its interaction, and not counteraction with the national one.

Methodology. The research was carried out using a formal legal interpretation of international legal acts, as well as a comparative analysis of Russian and foreign legal literature. Structural and systemic methods are also the backbone of the study. The conclusions of the

work are based on dialectical unity and the struggle of opposites, as well as on interacting deduction and induction in relation to legal systems.

The main results. The growing trend towards fragmentation of international law leads to a reduction in the base of sources in the universal sphere of international law.

The intensification of regionalization and the creation of regional unions of sovereign states is becoming a source of polar processes: on the one hand, supranational control over the observance of international law by states within their legal system increases, on the other hand, natural situations of non-execution of decisions of international judicial bodies arise. Such situations, without a proper assessment of the reasons for the issuance of the international acts of law enforcement themselves, can lead to unfounded criticism.

There is an impressive amount of work in the field of correlation between international and national law, as well as in the field of enforcement of decisions of international judicial bodies. Despite this, in the field of practical implementation of the norms of international law, there remains a lack of doctrinal developments. Such a situation will inevitably lead to attempts to create a semblance of a norm, an escalation of confrontation, and an inability to reach agreement on issues on the agenda.

The situation at the level of the universal international legal system is aggravating, therefore, the verification of the limits of competence of regional education authorities, in particular of supranational judicial control bodies, becomes even more important.

Conclusions. The author comes to the conclusion that, on the one hand, in the sphere of universal international law, there is a reduction in the base of sources of international law. On the other hand, in the field of regional international integration, on the contrary, the number of sources of international legal regulation is increasing, and the process of their implementation is intensifying.

Universal international law based on the principles of the UN Charter is the most qualitative regulator of the field of international public relations. However, at the present stage of development of the international community, regional integration may well come to its aid: through regional interaction, the consolidation of the wills of sovereign states can and should be achieved a legal constructive dialogue on key issues of already universal international law.

Using the approaches of national legal regulation exclusively and unilaterally, it is impossible to productively approach issues of international law: neither in the field of creating international organizations of various types, nor in matters of fulfilling obligations under international law.

According to the results of the study, it was concluded that only non-confrontational interaction of specialists in the field of international and national (primarily constitutional) law can provide the construction of the most effective model of interaction of these legal systems.

This requires a transformation of the basic approaches to the issues of interaction between international and national law. The basic unity of the general theory of law and the specific features of legal systems should be the starting points for doctrinal research of existing legal structures and the practice of their implementation.

1. Введение

Имманентно присущие общей теории права проблемы, часто выражающиеся в противоречивых доктринальных воззрениях на взаимодействия правовых явлений, неизбежно становятся катализатором научной мысли и познания. Однако тем сложнее становятся поиски истины в попытках дать ответы на проблемные вопросы, чем более специфическими являются соответствующие вопросы.

Так, взаимодействие национальных правовых систем современности и международной правовой системы по сей день является наиболее дискуссион-

ным правовым явлением (об этом см.: [1–3; 4, р. 1–31; 5, с. 474–478]). И причиной тому, на наш взгляд, в первую очередь, является отставание теории от практики. Еще одной причиной можно назвать издержки сугубо национального подхода к данному вопросу, как и ко многим иным вопросам теории международного права.

И если названная первой причина с долей условности может быть квалифицирована как специфически присущая современным общественным отношениям и пока не преодолимая, то вторая – требует особого внимания. Поиск путей преодоления

данной проблемы может стать катализатором положительных тенденций теоретического познания, преломления теории на практике.

Кроме того, на уровне универсального международного права решение вопросов повестки дня с помощью позитивных методов правового регулирования, а следовательно, и реализация норм действующих международных договоров на сегодняшний день подвергаются критике, испытаниям и нередко совсем попираются.

Реализация норм действующих международных договоров всё чаще сталкивается с попытками опровергнуть их постулаты с использованием «обычаев», под которыми вуалируются те самые *rules* (правила) (об этом см.: [6]). В таких условиях национальные правовые системы могут испытывать повышенное «чувство ревности» к своему суверенитету и максимально стараться «закрыться» с использованием принципа невмешательства во внутренние дела государства.

2. Теоретические аспекты

Вызывает обоснованное и неединичное опасение приобретаемый международным правом фрагментарный характер, что проявляется в реализации норм международного права от случая к случаю.

На фоне этого в сфере универсального международного права происходит сокращение базы источников международного права. Тенденция к использованию «обычаев», которые по понятным причинам фактически подменяются «правилами», вытесняет из области правового регулирования нормативные акты международного права.

Отдельными авторами отмечается, что «международному праву недостает нормативности из-за отсутствия универсальной принудительной силы в международном измерении, поэтому у государств нет стимулов соблюдать его правила» [7, р. 58] (цит. по: [6, с. 55]).

Опровергая тезис о том, что международного права не существует из-за отсутствия универсальной принудительной силы на международном уровне, авторский коллектив под руководством профессоров А.Н. Вылегжанина, Б.И. Нефедова, Е.Р. Воронина констатирует наличие следующих фактов: «источники международного права в целом признаны», «существуют определенные общепринятые правила, регулирующие процесс международного нор-

мотворчества», «процент исполненных решений международных судов неизменно выше, чем показатель полного их игнорирования» [6, с. 56].

Безусловно, как бы ни был «безопасен» режим порядка, основанного на правилах, применительно к международному праву как правовой системе очевидно, что без должного уровня нормативности сложнее становится обеспечивать миропорядок.

Вместе с тем профессор Т.Н. Нешатаева квалифицирует фрагментацию международного права как проблему «различного толкования норм международного права», которая «происходит из-за различий единых международных норм различными международными судами, и, как следствие, углубляющихся расхождений в понимании этих норм в национальных судах, осведомленных о различающихся судебных решениях» [8, с. 273]. В таком контексте предполагается, что одним из новых и перспективных «методов преодоления фрагментации необходимо считать создание региональных интеграционных союзов и действующих в них новых международных судов» [8, с. 284].

Обратимся к еще одной тенденции, которая по праву занимает почетное место среди таковых в современном международном праве, – регионализация.

Голландский ученый Гуго Гроций писал, что «войны можно избежать путем конференции»¹. Практика проведения международных конференций «зародилась в средневековой Европе как квалифицированный способ мирного разрешения споров и как первый шаг на пути к институциональной организации международного общения, т. е. к созданию международных организаций» [9, с. 48].

Таким образом, путь от преодоления разногласий, способных привести к войне (применению силы), путем созыва конференций и переговоров до создания международных организаций на таких конференциях – это естественный ход международно-правовых событий.

Как отмечает профессор Е. де Брабандэ, «одной из основных причин, по которым государства нуждаются в создании международных организаций, является растущая взаимозависимость государств и необходимость решения “общих проблем”» [10, р. 3]. Однако только лишь сотрудничество в решении общих проблем не становится единственной целью созда-

¹ Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Сакетти; под

общ. ред. С. Б. Крылова. Репринт с изд. 1956 г. М., 1994. С. 538, 539.

ния международных организаций. В процессе регионализации международного сотрудничества на основной план выходит цель интеграции государств – участников международной организации (об этом см.: [10, р. 3]). Учитывая такую смену приоритетов, что повлекло расширение функционала региональных международных организаций, сформировалось понятие интеграционных объединений.

Организации региональной интеграции получили еще наименование наднациональных, причинами чему явилась частичная передача на уровень международной организации своих суверенных полномочий государствами-участниками. Такая передача обусловлена тем, что акты региональной организации могут своей силой непосредственно создавать права и обязанности для субъектов внутригосударственных правовых систем.

Понятно, что «степень интеграции, к которой стремится международная организация – т. е. степень, в которой организация содержит наднациональные элементы, – будет влиять на степень передачи полномочий государствами организации» [10, р. 2].

Однако в научной литературе подчас утверждается, что «появление наднациональных организаций привело к упадку суверенного национального государства» [10, р. 2] (см. также: [11; 12, р. 681]).

Представляется, что с точки зрения международного права ситуация выглядит следующим образом.

Любой учредительный акт международной организации по своей правовой природе является международным договором. В данном случае не имеет значения, региональная эта организация или региональная с элементами интеграционного образования. Более того, «в основе всей системы международно-правового регулирования отношений под эгидой межгосударственных объединений лежит международный договор, от проработки которого и его дальнейшего воплощения в жизнь напрямую зависит результативность деятельности государств» [13, с. 150].

Принцип *pacta sunt servanda* обязывает государство обеспечить выполнение международного

обязательства, закрепленного в соответствующем договоре. Статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. «*Pacta sunt servanda*» гласит: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться»².

Добросовестность выполнения обязательств из международных договоров «является центральной во всей концепции *pacta sunt servanda*» [14, р. 41] и предполагает: добросовестное пользование правами, предусмотренными в договоре; добросовестное толкование договора; исключение необоснованного отказа от договора [15, с. 101–103].

Статьей 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. установлено, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для ст. 46, закрепляющей положения внутреннего права, касающиеся компетенции заключать договоры.

В Декларации о принципах международного права 1970 г.³ закреплено, что каждое государство обязано добросовестно выполнять обязательства, принятые им в соответствии с Уставом ООН и вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.⁴ в отношении данного принципа предусматривает, что государства-участники будут добросовестно выполнять свои обязательства, которые вытекают из общепризнанных принципов и норм международного права, из соответствующих международному праву договоров, участниками которых они являются; при осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы и административные правила, они будут соотноситься со своими юридическими обязательствами по международному праву.

Таким образом, в трактовке данного принципа появилась установка о том, что добросовестному исполнению подлежат только нормы договоров, которые соответствуют международному праву.

² Венская конвенция о праве международных договоров: принята 23 мая 1969 г. // Организация Объединенных наций: офиц. сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 15.05.2021).

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организа-

ции Объединенных Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 28.09.2021).

⁴ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901862> (дата обращения: 28.09.2021).

Российское государство, как и любое другое государство, добровольно вступает в международные отношения и участвует в них, добровольно принимает на себя конкретные обязательства, добровольно выражает свою волю при формировании норм международных договоров, а также добровольно берет на себя прямые и непреложные обязательства по выполнению договоренностей, достигнутых на международном уровне.

Вместе с тем, выступая в роли суверенного участника международных правоотношений, Россия соглашается со следующими позициями:

- обязательные нормы международных договоров будут содержать не только его волю, но и волю иных государств-участников,

- привнесение в национальную правовую систему международных договорных норм, предварительно согласованных с его участием или на обязательность которых оно дало согласие, не может быть и не должно быть квалифицировано как вмешательство в его внутренние дела.

Более того, именно политическая система государства, определенная в конституции, закрепляет систему органов государственной власти, полномочных осуществлять законодательные, исполнительные и судебные функции. Составной частью суверенитета государства и независимости в делах внутренней компетенции являются принадлежащие таким органам и должностным лицам полномочия:

- выстраивать политику государства как внутри страны, так и на международной арене;

- определять векторы взаимодействия в рамках мирового сообщества с иными субъектами международного права;

- вступать в правоотношения по созданию норм международного права.

Следовательно, заключение международного договора является не ограничением суверенитета и независимости во внутренней компетенции, а одной из форм их проявления и выражения.

Таким образом, есть основания полагать, что нормы международных договоров должны доминировать над любыми нормами национального законодательства независимо от уровня заключения договора, а также независимо от уровня национального закрепления противоречащей ему нормы.

При этом концепция преимущественного применения норм таких международных договоров перед любыми нормативными актами национального права не может оказать влияния на существование иных принципов международного права, таких, например, как принципы суверенного равенства и недопустимости вмешательства во внутренние дела государства.

Обратное не позволяло бы делать основополагающие выводы в отношении необходимости для государства добросовестно выполнять принятые на себя международные обязательства.

Более того, принципы уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства могут быть положены в основу такой концепции. Как отмечает О.И. Тиунов, «соглашение как способ создания норм международного права позволяет функционировать [таким нормам] в рамках суверенитета и равноправия государств» [16, с. 19].

Как отмечено Постоянной палатой международного правосудия в решении по делу о судне «Уимблдон», «the right of entering into international engagements is an attribute of State sovereignty»⁵.

Изложенное в последующем приводит нас к сущности практических аспектов в области взаимодействия международной и национальных правовых систем.

Отметим также свойственные регионализации аспекты, влияющие на конечный вывод. Продолжается достаточно интенсивный процесс создания и детализации позитивного права международных региональных интеграционных образований, наращается нормативность. И в данной области, в отличие от универсального международного права, акторы не задаются вопросами о целесообразности нормативного регулирования, о правомерности имеющихся нормативных актов и прочими, приводящими к формированию «порядка, основанного на правилах». Создаются и действуют такие формы международных договоров, как решения международной организации – ее органов. Реализация норм таких международных договоров происходит естественным путем и обеспечивается, в том числе, посредством возможности защиты интересов в международном суде соответствующего интеграционного образования.

⁵ «Право вступать в международные союзы, путем заключения международных договоров, является атрибутом государственного суверенитета» (англ.). – Permanent Court of International Justice, Case of the S.S. «Wimbledon», Judg-

ment, 17 August 1923, 1923 PCIJ Rep, Ser. A., No. 1, 25. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_01/03_Wimbledon_Arret_08_1923.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Тем не менее региональные организации остаются международными по своей сути, а региональное право должно соответствовать международному. Последнее при этом не может не оказывать в том числе и негативного влияния на функционирование региональных интеграционных систем.

Так или иначе проблемные аспекты функционирования международного права вызывают избирательность реализации международно-правовых норм. Толкование его норм нередко даже компетентными субъектами осуществляется в угоду какого-то интереса, а не на основе принципа справедливости и верховенства права. Это увеличивает объем обращений к категориям «предвзятость» и «пристрастность». Что, в свою очередь, подрывает доверие к международному праву и незыблемым институтам международного права (международным судам, ООН).

Если в рамках региональной или наднациональной организации действуют общеобязательные нормативные акты, положения которых могли бы напрямую применяться на территории государств-членов, то суд такого образования становится «механизмом, обеспечивающим эффективность действия таких норм» [17, с. 11]. Он является специальным органом объединения, контролирующим соблюдение государствами соответствующих нормативных предписаний. Акты суда наделяются юридической силой учредительными международными договорами, качество которых мы отметили ранее.

3. Практические аспекты

В последние годы разноречивый характер приняло обсуждение вопросов исполнения Россией решений международных судебных органов (об этом см.: [18–21]), к которым относится и Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Имеют место как весьма положительное восприятие многими позиции Президента, Федерального Собрания и Конституционного Суда РФ по ряду общественно резонансных постановлений ЕСПЧ, так и негативные отзывы о действиях России в отношении отдельных его решений, поведение нашего государства некоторыми даже именуется «агрессивным» в отношении отказа от исполнения решения по делу «ЮКОС про-

тив России» [11, р. 11; 22]. Российская Федерация не единственное государство, имеющее практику неисполнения решений ЕСПЧ. Однако коллективность в данном случае – не признак правомерности. Такие явления требуют внимания, в том числе с точки зрения означенных аспектов взаимодействия национальной и международной правовых систем.

10 декабря ежегодно отмечается в странах мира как День прав человека, поскольку 10 декабря 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека⁶ – первый из триады международных документов, составляющих Международный Билль о правах, устанавливающий общечеловеческие стандарты прав и свобод личности. Вторым и третьим документами указанной триады стали принятые в 1966 г. международные пакты о гражданских и политических правах⁷ и об экономических, социальных и культурных правах⁸. Почти все международные договоры в области прав человека, принятые с 1948 г., основаны на принципах, заложенных во Всеобщей декларации прав человека. Например, преамбула Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. начинается и заканчивается указанием на «принятие во внимание» и «коллективное осуществление» некоторых прав личности, изложенных во Всеобщей декларации.

Руководствуясь основополагающим принципом международного права, согласно которому каждое государство самостоятельно определяет порядок и способы реализации международных обязательств в рамках своей правовой системы, Российская Федерация составила Конституцию 1993 г. таким образом, что она восприняла зафиксированные в международных актах стандарты прав и свобод личности.

С.Д. Князев применительно к вопросам уголовного судопроизводства, но справедливо относительно всех остальных областей общественной жизни, регулируемых правом, утверждает, что согласование конституционных и международных начал «не сопряжено с серьезными затруднениями, так как и конституционные нормы, и положения международно-правовых актов основываются, по существу, на одних и тех же базовых принципах» [23, с. 91].

⁶ Всеобщая декларация прав человека 1948 года // Организация Объединенных наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.05.2021).

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/documents/>

decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.05.2021).

⁸ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 15.05.2021).

По ряду объективных причин в Конституции РФ 1993 г. отдельные предоставляемые права имеют больший объем, чем того требуют нормы пактов, но имеет место и невключение отдельных прав в текст Конституции (об этом см.: [24]).

Между тем расхождение правового регулирования нормами национального и международного права потенциально может стать основанием для наднационального судебного разбирательства. Результатом такого рассмотрения могут быть выводы международного судебного органа, противопоставленные Основному закону нашего государства. Причем такая потенциальная, а в отдельных случаях вполне реальная возможность может возникнуть не только в отношении Основного закона нашего государства и не только применительно к деятельности ЕСПЧ (об этом см.: [25]).

Как справедливо отмечает А.С. Исполинов, «примечательной особенностью последних лет стала активная вовлеченность верховных и конституционных национальных судов в решение вопроса об исполнении решений международных судебных органов. Высшие национальные суды, столкнувшись с амбициями международных судов при толковании и применении... [международных договоров], стали устанавливать своего рода ограничительные линии, которые не могут “пересекать”... [международные суды]. Для этих целей высшие суды стали либо опираться на конституционные положения о статусе международных договоров в национальных правовых порядках, либо самостоятельно решать данный вопрос в своих решениях» [26, с. 49].

Как следует из практики российского судебного органа конституционного контроля, результаты такого наднационального контроля всё чаще становятся объектом внимания. Серьезный интерес в научной литературе (об этом см.: [27]) вызвало расширение инструментов конституционного судопро-

изводства за счет предоставления Конституционному Суду РФ права по запросу соответствующих государственных органов признавать не подлежащими исполнению решения международных судов⁹.

Здесь мы наблюдаем законодательное урегулирование уже фактически сложившейся правовой позиции суда по данной проблеме. Так, 14 июля 2015 г. Конституционным Судом РФ было принято Постановление № 21-П, в котором указывалось на наличие у федерального законодателя правомочия предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда РФ и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ, в том числе в части мер общего характера. Речь при этом идет о «постановлении Европейского Суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации»¹⁰.

Обращает на себя внимание не только критика данного законопроекта в печати, но и критические аспекты (правда, юридико-технического характера) в отзыве на него Правового управления Государственной Думы¹¹.

Говоря о сущности предоставленного Конституционному Суду РФ права, выделим значимые, на наш взгляд, положения.

Сфера применения норм данного законопроекта четко ограничена пределами, которые следуют из самого его текста и отражены в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г.

Во-первых, следует подчеркнуть тот факт, что «решение межгосударственного органа по защите

⁹ Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации,

частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision201896.pdf> (дата обращения: 05.12.2019).

¹¹ С отзывом можно ознакомиться на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=931766-6&02> (дата обращения: 16.12.2019).

прав и свобод человека» является нормой не творчества, а правоприменения. Изложенный в нем вывод о несоответствии тех или иных норм национального права нормам международного права является актом толкования в процессе применения этих норм, а не нормативно-правовым актом, согласованным в координационном порядке его субъектами международного права.

Во-вторых, акт правоприменения должен быть вынесен именно в отношении Российской Федерации.

В-третьих, соответствующее решение должно констатировать вступление в противоречие с положениями международно-правовых актов именно Конституции РФ, а не ординарного нормативно-правового акта России.

С позиции международной правовой системы следует учитывать необходимость превалирования норм международных договоров над любыми нормами национального права, независимо от уровня заключения договора, а также от уровня национального закрепления противоречащей им нормы. Невыполнение международных договорных обязательств не может и не должно быть оправдано ссылками на государственный суверенитет и недопустимость вмешательства во внутренние дела государства.

В данной связи отметим, что согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» дополнен ст. 104¹, содержащей положение о том, что вывод о «невозможности исполнения вынесенного... решения» может быть сделан подающим заявление в Суд органом «вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер по его исполнению, данное решение основано на положениях международного договора Российской Федерации в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации». По смыслу получается, что данное в решении международного суда «истолкование» международного договора Российской Федерации предположительно приводит к «расхождению» этого самого договора с Конституцией РФ. Тем самым подчеркивается, что орган конституционного контроля наделяется не функцией признания противоречащим Основному закону международного договора

Российской Федерации (должным образом введенного в национальную правовую систему), а функцией признания противоречий между Основным законом и толкованием договора международным судом в отношении конкретной ситуации.

Таким образом, федеральный законодатель поддерживает позицию Конституционного Суда РФ о верховенстве Конституции РФ не только в системе национального права, но и в его правовой системе.

Россия в лице ее компетентных законодательных органов путем принятия данного закона дает понять, что толкование и реализация Конституции является ее суверенным правом и исключительно внутренним делом.

Кроме того, следует помнить положения о том, что «любая норма осуществляется государством в пределах его возможностей» и «международное право не требует невозможного» – это общеправовая презумпция, которая «служит элементом принципа добросовестного выполнения международных обязательств» [28, с. 202]. Конституция РФ как Основной закон государства представляет собой нормативный объем, в котором сосредоточена квинтэссенция государственного суверенитета. Конституционный Суд РФ в толковании Конституции исходит, прежде всего, из того, что объем закрепленных в нем прав и обязанностей всех субъектов национальной правовой системы соответствует и согласуется с международными правовыми обязательствами государства, который существовал на дату проведения референдума. В свою очередь все последующие обязательства по международному праву, принимаемые на себя Российской Федерацией, подлежат обязательной оценке на предмет их соответствия в первую очередь Конституции РФ.

Представляется, что именно наличием и проявлением государственного суверенитета обусловлены действия со стороны Российской Федерации при вступлении в Совет Европы, и прежде всего принятие Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»¹². В ст. 1 данного закона указано, что «Российская Федерация в соответствии со ст. 46 данной Конвенции признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской

¹² Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СПС «Гарант».

Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».

Все указанные выше акты не содержат каких-либо оговорок относительно изъятия Основного закона государства из объема норм национального права, которые потенциально могут стать объектом исследования на предмет соответствия положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В свою очередь, Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ и Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П свидетельствуют, что органы законодательной и судебной власти Российской Федерации едины в трактовке той части нормативно-правовой системы России, которая может быть подвергнута критике со стороны органов международного правосудия на предмет соответствия ее нормам международного права. Основной закон государства из нее исключен.

Такая потенциальная возможность отказаться исполнять решение международного суда является, по совершенно справедливому утверждению А.С. Исполинова, ответной реакцией государства, вызванной высокой креативностью ряда международных судов по расширительному толкованию договоров, выстраиванием судами своих собственных приоритетов (об этом см.: [26, с. 43–56]). Россия не является новатором в такой реакции на решения, в частности, ЕСПЧ. Однако адекватная правовая форма возможности соответствующего отказа не должна быть изрядно упрощенной, должна носить характер крайней, исключительной меры, при невозможности использования иных средств международного права по сближению международной и национальной правовых систем. К сожалению, пока мировое сообщество находится в стадии выработки этой правовой формы. Российская попытка встретила серьезное сопротивление со стороны Венецианской комиссии¹³.

¹³ Заключение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) № 832/2015 от 13 июня 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См. постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства

Между тем механизм уже дважды опробован Конституционным Судом РФ¹⁴. При этом аргументация позиции суда при признании невозможности исполнения решения международного суда так или иначе сводится к тому, что последние являются решениями *ultra vires*, т. е. вынесенными с явным превышением полномочий, и поэтому не подлежащими исполнению.

И в данном случае нельзя не согласиться с тем, что «наднациональные структуры создаются на основании соглашений государств, последним должны быть предоставлены определенные гарантии, устанавливающие пределы деятельности наднациональных органов и позволяющие государствам-членам контролировать ключевые аспекты их деятельности», недопустимо «наличие у наднациональных органов возможности самостоятельного расширения собственной компетенции» [17, с. 11].

Выверенность пределов компетенции органов регионального образования, в особенности органов наднационального судебного контроля, приобретают тем более важное значение, чем более обостряется ситуация на уровне универсальной международной правовой системы.

4. Выводы

Можно констатировать интереснейшую тенденцию. С одной стороны, в сфере универсального международного права наблюдается сокращение базы источников международного права. С другой стороны, в области региональной международной интеграции, напротив, количество источников международного правового регулирования увеличивается, а процесс их реализации интенсифицируется.

При этом взаимодействие государств на региональном уровне осуществляется на основе добровольности, взаимовыгодности, консенсуса (готовности и потребности к компромиссу), а также на основе единения по различным критериям (общность интересов, культурных ценностей, экономическая целесообразность объединения различного вида ресурсов, как то: человеческих – рабочей силы, природ-

юстиции Российской Федерации», от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»).

ных, средств производства, производственных мощностей и пр.).

Именно эти критерии позволяют достигать наибольшего регулирующего эффекта международных норм региональных наднациональных объединений.

Ведь так или иначе те вопросы, которые становятся насущными для области международных отношений (экологическая безопасность, развитие экономики, информационная безопасность и др.), с большей вероятностью передаются на наднациональный уровень именно в интеграционных объединениях. В дальнейшем решения по таким вопросам (в тех случаях, когда они выходят за пределы интеграционного образования) могут приниматься уже на уровне органов интеграционного объединения во взаимодействии с иным – государством, международной организацией либо аналогичным интеграционным объединением.

Безусловного единства по всем вопросам повестки дня не будет, национальную идентичность и ментальные различия никто никогда не отменял. Но фундаментом эффективного правового регулирования международных общественных отношений является только достижение соглашений по ключевым вопросам «глобальной повестки сегодняшнего дня». Реализация этого сейчас более перспективна именно на уровне региональных интеграций.

Универсальное международное право, базирующееся на принципах Устава ООН, – это наиболее качественный регулятор области международных общественных отношений. И на помощь к нему вполне может прийти региональная интеграция: через региональное взаимодействие, укрупнение воль

суверенных государств может и должен быть достигнут правовой конструктивный диалог по ключевым вопросам уже универсального международного права. Это не панацея, но один из возможных вариантов возвращения к универсализации.

При всем этом практические аспекты взаимодействия внутригосударственных и международной правовых систем, в частности на примере нашего государства, базируются на законах диалектики. С одной стороны, существует добровольно принятая обязанность по соблюдению принятых на себя обязательств (в том числе путем исполнения решений органа наднационального правосудия), притом что на уровне Основного закона зафиксировано «осознание российским народом себя в качестве части мирового сообщества (преамбула)» [23, с. 90]. С другой стороны, объективные пределы всё же существуют – они очерчены согласованием строгих рамок компетенции органов международного правосудия в международных договорах о их создании.

Только неконфронтационное взаимодействие специалистов в области международного и национального (в первую очередь, конституционного) права может обеспечить построение наиболее эффективной модели взаимодействия данных правовых систем. Основой такого взаимодействия является суверенное равенство государств и единство целей мирного сосуществования членов мирового сообщества. Базовое единство общей теории права и специфические особенности правовых систем должны быть отправными точками доктринальных исследований имеющихся правовых конструкций и практики их воплощения в жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нефедов Б. И. Соотношение правовых систем. Часть 1. «Традиционные» доктрины соотношения международного права и внутригосударственного права / Б. И. Нефедов // Московский журнал международного права. – 2013. – № 3. – С. 19–31. – DOI: 10.24833/0869-0049-2013-3-19-31.
2. Нефедов Б. И. Соотношение правовых систем (продолжение). Эволюция представлений о содержании «традиционных» доктрин соотношения правовых систем / Б. И. Нефедов // Московский журнал международного права. – 2013. – № 4. – С. 4–20. – DOI: 10.24833/0869-0049-2013-4-4-20.
3. Новосельцев А. Ю. О взаимодействии международной и национальных правовых систем / А. Ю. Новосельцев // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 1. – С. 37–39.
4. Nollkaemper A. International Law in Domestic Courts / A. Nollkaemper, A. Reinisch. – Oxford, 2018. – 705 p.
5. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика / В. Д. Зорькин. – М., 2019. – 592 с.
6. Вылегжанин А. Н. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право / А. Н. Вылегжанин, Б. И. Нефедов, Е. Р. Воронин, О. С. Магомедова, П. К. Зотова // Московский журнал международного права. – 2021. – № 2. – С. 35–60. – DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60. – (На англ. яз.).
7. Menon S. The Rule of Law, the International Legal Order, and the Foreign Policy of Small States / S. Menon // Asian Journal of International Law. – 2020. – Vol. 10, no. 1. – P. 50–67. – DOI: 10.1017/S2044251319000262.

8. Нешатаева Т. Н. Суд и право: евразийская интеграция / Т. Н. Нешатаева. – М., 2021. – 336 с.
9. Абашидзе А. Х. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. – М., 2012. – 307 с.
10. De Brabandere E. The Impact of 'Supranationalism' on State Sovereignty from the Perspective of the Legitimacy of International Organisations / E. De Brabandere // *Statehood and self-determination: reconciling tradition and modernity in International law* / ed. D. French. – Cambridge, 2013. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2175478>.
11. McCormick N. Beyond the Sovereign State / N. McCormick // *Modern Law Review*. – 1993. – Vol. 56, iss. 1. – P. 1–18. – DOI: 10.1111/j.1468-2230.1993.tb02851.x.
12. Stephan P. B. Accountability and International Lawmaking: Rules, Rents and Legitimacy / P. B. Stephan // *Northwestern Journal of International Law & Business*. – 1996–1997. – Vol. 17. – P. 681–735.
13. Современная концепция применения международных договоров / отв. ред. А. Я. Капустин. – М., 2020. – 224 с.
14. Elias T. The Modern Law of Treaties / T. Elias. – New York, 1974. – 272 p.
15. Захарова Н. В. Выполнение обязательств, вытекающих из международного договора / Н. В. Захарова. – М., 1987. – 140 с.
16. Тиунов О. И. Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права / О. И. Тиунов // *Журнал российского права*. – 2014. – № 5 (209). – С. 5–21. – DOI: 10.12737/3457.
17. Гаврилов В. В. Содержание категории «наднациональность» в современной международно-правовой доктрине / В. В. Гаврилов, В. Э. Даньшов // *Московский журнал международного права*. – 2019. – № 3. – С. 6–13. – DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-6-13.
18. Мысливский П. П. Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза / П. П. Мысливский // *Московский журнал международного права*. – 2021. – № 3. – С. 78–97. – DOI: 10.24833/0869-0049-2021-3-78-97.
19. Бутакова Н. А. Интеграция российской судебной системой правовых позиций ЕСПЧ о пропорциональности вмешательства государства в частноправовые отношения при рассмотрении споров о переходе права собственности на недвижимое имущество / Н. А. Бутакова, Т. Н. Иванова, С. Ю. Катуква // *Вестник арбитражной практики*. – 2020. – № 4. – С. 50–59.
20. Исполинов А. С. Исполнение решений международных судов: теория и практика / И. С. Исполинов // *Международное правосудие*. – 2017. – № 1 (21). – С. 45–67. – DOI: 10.21128/2226-2059-2017-1-45-67.
21. Kahn J. The Relationship between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation: Conflicting Conceptions of Sovereignty in Strasbourg and St Petersburg / J. Kahn // *European Journal of International Law*. – 2019. – Vol. 30, iss. 3. – P. 933–959. – DOI: 10.1093/ejil/chz049.
22. Карпович О. Г. Механизм реализации решений Европейского суда по правам человека / О. Г. Карпович // *Международное публичное и частное право*. – 2020. – № 1. – С. 8–11. – DOI: 10.18572/1812-3910-2020-1-8-1.
23. Князев С. Д. Российское уголовное судопроизводство в соотношении конституционных принципов и международных (европейских) стандартов / С. Д. Князев // *Российский ежегодник международного права*. 2015. – СПб., 2016. – Спец. вып. – С. 89–103.
24. Киселева О. А. Международный Билль о правах и Конституция РФ 1993 г. / О. А. Киселева // *Молодежь третьего тысячелетия : тез. докл. XXVIII науч. студ. конф.* / отв. ред. Н. В. Антипьева. – Омск, 2004. – С. 29–31.
25. Чайка К. Л. Актуальные вопросы права интеграционного образования и конституционного права государств-членов / К. Л. Чайка // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2016. – № 1. – С. 129–132.
26. Исполинов А. С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). – М., 2018. – 408 с.
27. Терехова Л. А. Применение постановлений Европейского суда по правам человека в практике российских судов / Л. А. Терехова // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. – 2016. – № 2 (47). – С. 138–146.
28. Лукашук И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе / И. И. Лукашук. – М., 1997. – 322 с.

REFERENCES

1. Nefedov B.I. Ratio of Legal Systems. Part 1. "Traditional" Doctrines on the Ratio of International and National Law (Summary). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2013, no. 3, pp. 19–31. DOI: 10.24833/0869-0049-2013-3-19-31. (In Russ.).
2. Nefedov B.I. Ratio of Legal Systems (cont.) The evolution of Ideas about the Content of the "Traditional" Doctrines on the Ratio of Legal Systems (Summary). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2013, no. 4, pp. 4–20. DOI: 10.24833/0869-0049-2013-4-4-20. (In Russ.).
3. Novoseltsev A.Yu. On the interaction between International and National legal systems. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*, 2019, no. 1, pp. 37–39. (In Russ.).
4. Nollkaemper A., Reinisch A. *International Law in Domestic Courts*. Oxford, 2018. 705 p.
5. Zorkin V.D. *Constitutional Court of Russia: doctrine and practice*. Moscow, 2019. 592 p. (In Russ.).
6. Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. The concept "rules-based order" in international legal discourses. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2021, no. 2, pp. 35–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-35-60.
7. Menon S. The Rule of Law, the International Legal Order, and the Foreign Policy of Small States. *Asian Journal of International Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 50–67. DOI: 10.1017/S2044251319000262.
8. Neshataeva T.N. *Court and Law: Eurasian Integration*. Moscow, 2021. 336 p. (In Russ.).
9. Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. *Peaceful Resolution of International Disputes: Contemporary Issues*. Moscow, 2012. 307 p. (In Russ.).
10. De Brabandere E. The Impact of 'Supranationalism' on State Sovereignty from the Perspective of the Legitimacy of International Organisations, in: French D. (ed.) *Statehood and self-determination: reconciling tradition and modernity in International law*, Cambridge, 2013, available at: <https://ssrn.com/abstract=2175478>.
11. McCormick N. Beyond the Sovereign State. *Modern Law Review*, 1993, vol. 56, iss. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1111/j.1468-2230.1993.tb02851.x.
12. Stephan P.B. Accountability and International Lawmaking: Rules, Rents and Legitimacy. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 1996-1997, vol. 17, iss. 1, pp. 681–735.
13. Kapustin A.Ya. (ed.) *The modern concept of the application of international treaties*. Moscow, 2021. 224 p. (In Russ.).
14. Elias T. *The Modern Law of Treaties*. New York, 1974. 272 p.
15. Zakharova N.V. *Fulfillment of obligations arising from International treaty*. Moscow, 1987. 140 p. (In Russ.).
16. Tiunov O.I. Sovereign equality of states in the system of basic principles of international law. *Zhurnal rossiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 5 (209), pp. 5–21. DOI: 10.12737/3457. (In Russ.).
17. Gavrilov V.V., Danshov V.E. The Content of the Category "Supranationalism" in the Contemporary International Legal Doctrine. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2019, no. 3, pp. 6–13. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-6-13. (In Russ.).
18. Myslivskiy P.P. Execution of Judgments and Advisory Opinions of the Court of the Eurasian Economic Union. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2021, no. 3, pp. 78–97. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-3-78-97. (In Russ.).
19. Butakova N.A., Ivanova T.N., Katukova S.Yu. Integration of the legal stances of the ECHR on the proportionality of government intervention in private law relations when considering disputes over real estate title transfer, into the Russian judicial system. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*, 2020, no. 4, pp. 50–59. (In Russ.).
20. Ispolinov A.S. Compliance with the judgements of International Courts: theory and practice. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2017, no. 1 (21), pp. 45–67. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-1-45-67. (In Russ.).
21. Kahn J. The Relationship between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation: Conflicting Conceptions of Sovereignty in Strasbourg and St Petersburg. *European Journal of International Law*, 2019, vol. 30, iss. 3, pp. 933–959. DOI: 10.1093/ejil/chz049.
22. Karpovich O.G. Mechanism of implementation of judgements of the European Court of Human Rights. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*, 2020, no. 1, pp. 8–11. DOI: 10.18572/1812-3910-2020-1-8-1. (In Russ.).

23. Knyazev S.D. Russian criminal proceedings in the relationship between Constitutional principles and International (European) standards, in: *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2015*, Special issue, St. Petersburg, 2016, pp. 89–103. (In Russ.).

24. Kiseleva O.A. International Bill of Rights and the Constitution of the Russian Federation of 1993, in: Antip'eva N.V. (ed.) *Molodezh' tret'ego tsysacheletiya*, Abstracts of the 28th scientific student conference, Omsk, 2004, pp. 29–31. (In Russ.).

25. Chaika K.L. Burning issues of Integration Law and Constitutional Law of member-states. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. 1, pp. 129–132. (In Russ.).

26. Ispolinov A.S. *Courts of regional integration associations in the system of International justice (on the EU Court and the EAEU Court)*. Moscow, 2018. 408 p. (In Russ.).

27. Terekhova L.A. Application of European Court of Human Rights rulings in the jurisprudence of Russian courts. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Bulletin of Omsk State University. Series "Law"*, 2016, no. 2 (47), pp. 138–146. (In Russ.).

28. Lukashuk I.I. *The norms of International Law in the International normative system*. Moscow, 1997. 322 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселева Ольга Анатольевна – кандидат юридических наук, ¹ старший преподаватель кафедры государственного и муниципального права, ² помощник судьи

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

² Омский областной суд

¹ 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

² 644099, Россия, г. Омск, ул. Тарская, 28

E-mail: kiselevaoa8@gmail.com

ResearcherID: AAB-5086-2022

SPIN-код РИНЦ: 4518-6008

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Olga A. Kiseleva – PhD in Law; ¹ Senior Lecturer, Department of State and Municipal Law; ² Clerk of the Judge

¹ Dostoevsky Omsk State University

² Omsk Regional Court

¹ 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

² 28, Tarskaya ul., Omsk, 644099, Russia

E-mail: kiselevaoa8@gmail.com

ResearcherID: AAB-5086-2022

RSCI SPIN-code: 4518-6008

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Киселева О.А. Теоретико-прикладные аспекты взаимодействия международной и национальной правовых систем / О.А. Киселева // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 50–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).50-62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kiseleva O.A. Theoretical and applied problems of interaction between the international and national legal systems. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 50–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).50-62. (In Russ.).